

Е.Ф. Волкова

**Боярин Артамон Сергеевич
Матвеев и его время**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.Ф. Волкова**
Боярин Артамон Сергеевич Матвеев и его время / Е.Ф. Волкова – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 96 с.

ISBN 978-5-458-09214-2

Исторический очерк.
(1625-1682 гг.)

ISBN 978-5-458-09214-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

вотъ что говоритъ о Московскомъ государствѣ чужой человѣкъ, ученый сербъ, Юрій Крижаничъ. Приѣхавъ въ Москву и присмотрѣвшись къ русской жизни, онъ былъ пораженъ множествомъ укоренившихся здѣсь недостатковъ. Въ своемъ сочиненіи „Политическія думы“ онъ ярко рисуетъ эти недостатки. Прежде всего Крижаничъ обвиняетъ русскихъ въ самомнѣніи, въ излишнемъ пристрастіи къ своимъ обычаямъ. Но больше всего его поражаетъ бѣдность русскаго государства сравнительно съ западными государствами. „Тамъ на западѣ, пишетъ онъ, разумы у народовъ хитры, есть гавани, торговля морская, ремесла, земледѣліе“. Въ Россіи не то: „здѣсь умы у народа тупы и косны, нѣтъ умѣнья ни въ торговлѣ, ни въ земледѣліи, ни въ домашнемъ хозяйствѣ; купцы не учатся даже ариѳметикѣ. Русскій человѣкъ самъ ничего не выдумаетъ, если ему не укажутъ; онъ лѣнивъ, непромысленъ, самъ себѣ добра не хочетъ дѣлать, если его не принудятъ къ тому силою. Книгъ у него нѣтъ никакихъ ни о земледѣліи, ни о другихъ промыслахъ“. Крижаничъ упрекаетъ русскихъ за отсутствіе благородной гордости, стыдливости, за пьянство. Подобно Котошихину онъ видитъ все спасеніе въ наукѣ, въ просвѣщеніи, совѣтуетъ переводить полезныя книги съ иностраннаго, вызывать въ Россію „нѣмецкихъ“ мастеровъ. То же самое думали и всѣ лучшіе русскіе

люди 17 вѣка. Всѣ они пачинали выражать недовольство старыми московскими порядками, старыми понятіями и обычаями. Это недовольство раздѣлило все русское общество 17 вѣка на два враждебныхъ лагеря: на приверженцевъ новизны и поклонниковъ старины. Когда заговорили новые люди о необходимости учиться у иностранцевъ и наукѣ, и ремесламъ, и даже нравственности, не остались также въ молчаніи и приверженцы старины. Они не хотѣли разстаться со своими старыми обычаями, упорно отказывались отъ новыхъ порядковъ, ихъ пугала наука, заимствованная изъ „еретическаго“ запада. И глухо ропщутъ они на „новшества“, на склонность къ „иноземщизнѣ“. Они видятъ въ этомъ поруганіе родной старины, забвеніе истинной православной вѣры. Но тщетно раздаются ихъ голоса! Все сильнѣе и сильнѣе сознается въ русскомъ обществѣ непригодность старыхъ порядковъ, оно все тревожнѣе поглядываетъ на „еретическій“ западъ, надѣясь отыскать въ немъ средства противъ неурядицъ и общественныхъ бѣдствій своей родины. То и дѣло пополняются ряды приверженцевъ новизны.

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ сознаетъ, что русскіе во всемъ отстали отъ европейцевъ, онъ самъ допускаетъ „новшества“. Но Алексѣй Михайловичъ еще слишкомъ привязанъ къ старинѣ, онъ обладаетъ слишкомъ перѣшительнымъ харак-

теромъ и потому не можетъ направить Русь на новый путь. Но великая его заслуга уже въ томъ, что онъ поддерживалъ и ободрялъ новыхъ людей и этимъ самымъ открывалъ имъ путь къ дѣятельности. Бояринъ Ртищевъ, бояринъ Ординъ-Нащокинъ и другіе приверженцы новизны — все это близкіе царю люди. Поддерживаемые имъ, они расчищаютъ и готовятъ путь, по которому поведетъ Россію сынъ Алексѣя Михайловича Петръ Великій.

Когда на русскомъ престолѣ появилась мастиная фигура Преобразователя, приверженцы старины почувствовали свое пораженіе, и голоса ихъ смолкли. Старая Россія со своими обычаями и порядками отжила свой вѣкъ, на смѣну ея нарождалась новая Петровская Русь съ новыми взглядами и новыми задачами.

Если съ Петромъ Великимъ явился въ Россію свѣтъ образованія и науки, то не надо забывать, что были люди, которые сдѣлали первые шаги на этомъ пути и подготовили ему его преобразовательную дѣятельность. Среди бойцовъ съ глухой стариной, съ темными предрасудками и невѣжествомъ русскаго народа одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

ГЛАВА I.

Воспитаніе Матвѣева. — Какъ учили въ то время. — Назначеніе Матвѣева стряпчимъ при царевичѣ Алексѣѣ.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ родился въ 1625 году, когда Россіей правилъ Михайль Ѳеодоровичъ — первый царь изъ дома Романовыхъ, избранный на престоль въ 1613 году послѣ тяжелаго смутнаго времени. Отець его былъ человѣкъ небогатый, незнатный; онъ понималъ пользу ученья, что было рѣдко въ то время, и хотѣлъ дать образованіе своему сыну. А это было дѣло нелегкое. Въ 17 вѣкѣ не было такихъ школъ, какъ теперь, гдѣ бы учили не только читать и писать, но и другимъ наукамъ — ариѳметикѣ, географіи, исторіи и пр. Да и кто бы сталъ учить въ нихъ? Среди русскихъ не было хорошо образованныхъ людей, приглашать же иностранцевъ не хотѣли. Вѣдь иностранецъ исповѣдывалъ другую вѣру, а русскій человѣкъ крѣпко держался за свое православіе и больше всего боялся, что чужеземный учитель научитъ его дѣтей чему либо несогласному съ православной вѣрой.

„Пусть учатся только читать и писать да правиламъ истинной вѣры“, рѣшали отцы и не спѣша подыскивали своимъ дѣтямъ какогонибудь грамотѣя. Такими грамотѣями большею частью являлись иходскіе священники, дьяконы, церковные причетники.

Артамону исполнилось уже 12 лѣтъ, когда однажды вечеромъ отецъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ:

„Пора тебѣ, сынъ мой, приняться за науку; завтра утромъ я отведу тебя къ учителю“.

Артамонъ обрадовался. Бойкій, любознательный мальчикъ давно уже хотѣлъ учиться. Скучно ему было по цѣлымъ днямъ сидѣть со своей матерью. Только и радости у него было, когда въ долгій зимній вечеръ отецъ позоветъ его къ себѣ въ горницу. Старику Матвѣеву случалось бывать при посольствахъ въ Персію и въ другія страны. Съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, ждалъ Артамонъ вечера; лучше всякихъ сказокъ, которыми усыпляла его старая нянька, любилъ онъ рассказы отца о житьѣ-бытьѣ чужихъ народовъ.

„Будешь хорошо учиться, самъ побываешь въ этихъ земляхъ“, часто прибавлялъ отецъ; неудивительно поэтому, что вѣсть объ ученіи сильно обрадовала мальчика.

У своего учителя Артамонъ встрѣтилъ еще шесть, семь человѣкъ учениковъ; нѣкоторымъ было уже лѣтъ по шестнадцати. Не торопился русскій человекъ того времени обучить своихъ дѣтей, плохо еще понималъ онъ пользу грамоты!

Передъ началомъ ученія учитель прочелъ своимъ ученикамъ „азбуковникъ“. Такъ назывался сборникъ, который содержалъ въ себѣ разныя наставленія дѣтямъ.

„Уходя домой, написаю было тамъ, не оставляйте указки въ книгѣ, не бросайте буквари на скамейкахъ, а отдавайте ихъ старшему, который и приберетъ все на мѣсто“.

Далѣе говорилось: „Ученикъ обязанъ носить воду въ школу и являться каждый праздникъ къ учителю на поклонъ съ приношеніемъ ему „снѣдныхъ брашенъ и всякаго питія“. Затѣмъ шли наставленія о кротости, благочестіи, о повиновеніи родителямъ и учителямъ. Но дольше всего и съ особенной назидательностью останавливался учитель на тѣхъ мѣстахъ азбуковника, гдѣ говорилось о розгѣ. Безъ розогъ въ то время не обходилось ученіе. Учителя твердо держались правила, преподаваемаго въ 16 столѣтіи попомъ Сильвестромъ, который въ своемъ Домостроѣ училъ такъ: „казни сына своего отъ юности его, и поконтъ ты на старость твою и дасть красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бѣя младенца: аще бо жезломъ бѣши его, не умреть, но здравѣе будетъ; ты бо, бѣя его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя сына своего, учащай ему раны“. И твердо вѣря въ пользу розогъ, учителя не скупились на побой. Родители дѣтей въ достоинство учителя ставили, если онъ часто и прилежно сѣкъ своихъ учениковъ.

Окончивъ чтеніе азбуковника, учитель разложилъ передъ учениками буквари. Съ любопытствомъ и

отчасти со страхомъ смотрѣлъ Артамонъ и его товарищи на нарисованную на заглавномъ листкѣ книги картинку: она изображала учителя, наказывающаго ученика розгами.

„Розга хоть пѣма, да придасть ума“, внушительно прочелъ учитель подпись подъ картинкой. Такимъ образомъ, стараясь заранѣе застрашать своихъ учениковъ, онъ приступилъ наконецъ къ обученію. Способный, понятливый Артамонъ скоро прошелъ склады и выучился читать. За чтеніемъ слѣдовало обученіе письму. Затѣмъ приступали къ изученію Часослова, Псалтыря, Апостольскихъ Дѣяній и разныхъ церковныхъ службъ.

Этимъ кончалось все образованіе. Русскій учитель 17 в. не могъ научить бѣльшему своего ученика, онъ самъ зналъ очень мало. Но ни скучная наука, ни спасительное битье не успѣли притупить пытливыи, любознательный умъ Артамона; онъ не удовольствовался такимъ обученіемъ. Ему хотѣлось знать больше, и онъ съ жадностью набросился на книжки, которыя нашель въ шкапу отца. Это были большею частью все тѣ же духовныя книги — переводы св. отцевъ, Іоанна Златоуста, Василя Великаго и др.; онѣ не давали отвѣтовъ на всѣ вопросы, волновавшіе молодой умъ Артамона. Но среди этихъ книжекъ попались ему и другія. Съ любопытствомъ прочелъ онъ любимое въ то время русскими грамотными людьми „Ска-

заніе объ Александрѣ Македонскомъ“ и нѣсколь-
ко переведенныхъ съ иноземнаго сказокъ и повѣ-
стей. Въ то время только что начали переводить
иностранныя книги.

Но больше всего обрадовался Артамонъ, когда
въ числѣ книгъ отыскалъ учебникъ исторіи и гео-
графіи. Такіе учебники, составленные иностран-
цами, были переведены на русскій языкъ чрезвы-
чайно плохо. Въ нѣкоторыхъ благочестивые пере-
водчики вставляли свои совсѣмъ ненужныя замѣ-
чанія. Такъ, въ учебникѣ географіи, гдѣ говори-
лось, что земля шарообразна, переводчикъ приба-
вилъ отъ себя, что въ иностранныхъ государствахъ
люди забыли истинную вѣру.

Чтеніемъ такихъ книгъ нельзя было въ доста-
точной степени пополнить свое образованіе, но
другихъ тогда не было. И русскій человѣкъ 17
вѣка поступалъ на службу съ самыми незначи-
тельными знаніями. Окружающая его жизнь была
груба, невѣжественна, неподвижна и также не
могла ничему научить его. Поэтому нуженъ былъ
слишкомъ свѣтлый умъ, чтобы понять темноту окру-
жающей жизни, нужны были особыя счастливыя
обстоятельства, чтобы воспитать въ человѣкѣ
стремленіе къ свѣту изъ этой темноты.

Благодаря природному уму и своимъ способно-
стямъ, Артамонъ рано обратилъ на себя вниманіе.
Ему еще не было семнадцати лѣтъ, когда царь

Михайль, Оеодоровичъ назначилъ его стряпчимъ, т. е. тѣлохранителемъ и придворнымъ посыльнымъ при царевичѣ Алексѣѣ. Число стряпчихъ доходило въ то время до 800 человекъ, но изъ нихъ молодой Матвѣевъ пользовался особымъ расположеніемъ царевича.

Г Л А В А II.

Вступленіе на престоль царя Алексѣя Михайловича. —
Внутреннее управленіе государства. — Матвѣевъ — стрѣлецкій
голова.

Въ 1645 году на русскій престоль вступилъ царь Алексѣй Михайловичъ. Это былъ еще совсѣмъ юноша. Привѣтливый, веселый, ласковый, онъ большую часть времени проводилъ въ забавахъ, изъ которыхъ особенную склонность чувствовалъ къ соколиной охотѣ. Добродушный по своей природѣ, онъ любилъ видѣть вокругъ себя довольство и радость, онъ желалъ всѣмъ счастья. Питая самыя добрыя чувства къ своему народу, онъ вездѣ хотѣлъ ввести порядокъ и благоустройство. Но для русскаго царя 17 в. такая задача была слишкомъ трудна. Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престоль въ тяжелыя времена. Смутное время, предшествовавшее царствованію его отца, разорило государство и оставило неоконченными войны съ Польшей и Швеціей. Эти войны заняли почти

все царствованіе Михаила Осодоровича и легли тяжелымъ гнетомъ на народъ. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на тяжкіе поборы, на всеобщее разореніе — всѣ были недовольны.

Во внутреннемъ управленіи не было ни порядка, ни правосудія. Всѣ дѣла государства „вѣдались“ въ приказахъ. Понадобится заправлять какимъ нибудь дѣломъ, Государь приказываетъ кому либо изъ своихъ приближенныхъ бояръ „вѣдать“ это дѣло, назначаетъ ему помощниковъ; такъ возникалъ приказъ. Въ царствованіе Алексея Михайловича ихъ насчитывалось слишкомъ сорокъ. Каждый приказъ имѣлъ свои расходы и требовалъ не мало денегъ. Приказъ „казеннаго двора“ вѣдалъ царскую казну, золотые, серебряные сосуды, дорогія матеріи. Отсюда шло жалованье всякаго чина людямъ, выдавались по приказу царя богатые подарки боярамъ и духовенству. Изъ этого же приказа выдавались ежегодно одежды служащимъ при дворцѣ — конюхамъ, сокольникамъ, царицынымъ мастерницамъ; отпускались сукна, соболы, шелковыя матеріи донскимъ казакамъ.

„Кормовой“ приказъ вѣдалъ столъ Государя; здѣсь на кормовомъ дворѣ готовились многочисленныя кушанья для Государя и для раздачи. Отъ каждаго обѣда и ужина Государь посылалъ блюда боярамъ и думнымъ людямъ. Боже сохрани, если какой бояринъ не получитъ своей подачи. На дру-